

ЕЛЕНА НЕДЕЛЬКО

ЕГО ИДЕАЛЬНАЯ
ИГРУШКА

18+

Елена Неделько

Его идеальная игрушка

«Автор»

2026

Неделько Е.

Его идеальная игрушка / Е. Неделько — «Автор», 2026

Он — Игорь, миллиардер. Человек, который привык покупать всё, что захочет. Она — Ася, его секретарша. Красивая и отчаянно влюбленная. Когда ее семья оказывается на грани нищеты, она соглашается на сделку: стать «идеальной игрушкой» в обмен на спасение отца. Их роман сразу превращается в публичный скандал мирового масштаба. Но как только Ася привыкает к роскоши, холодный босс подписывает приказ о её увольнении. Семья спасена, долг выплачен, но цена свободы оказалась слишком высокой. Только вот почему ключи от кабинета снова оказываются у неё в руках? И кто написал анонимное сообщение с датой их первого интима с Игорем?

© Неделько Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Елена Неделько

Его идеальная игрушка

Глава 1

Аксиния Кречетова опоздала на сорок три минуты.

В приемной генерального директора корпорации «Strutsky Atelier» время имело другую плотность — густую, как застывающая смола. Сорок три минуты здесь стоили годовой премии. Ася втиснулась в свое кресло из кремовой кожи ровно в 08:43.

Дверь кабинета Игоря Владимировича Струцкого не открылась. Он не вызвал её по селектору, не швырнул в коридор распечатку её личного дела с резолюцией «Уволена». Эта тишина была страшнее любого крика. За два года работы личным ассистентом Ася выучила главное правило босса: самое жестокое наказание — это ожидание его внимания.

Она поправила идеально ровный пучок, одернула жесткий воротник блузки, который Игорь Владимирович лично выбрал для нее вчера утром со словами: «Ты выглядишь слишком доступной, Аксиния. Мне нужен мрамор, а не плоть».

Мрамором она быть перестала еще полгода назад, когда впервые поймала себя на мысли, что запах его кожи — горький табак, дорогой сандал и едва уловимый металлический холод — вызывает у нее физическую дрожь и влажность между ног. Это было катастрофой.

Селектор на столе тихо зашипел.

— Зайди. И закрой дверь на замок.

Голос Игоря Владимировича действовал на Асю как удар тока по оголенным нервам. Низкий, лишенный всяких эмоций, привыкший отдавать приказы, которые не обсуждаются. Она знала этот тон. Так он разговаривал с поставщиками дерева, когда сбивал цену вдвое. Так же он разговаривал с ней в темноте своего пентхауса, вбиваясь в ее тело с животной яростью, от которой хотелось одновременно плакать и просить еще.

Ася встала. Шелковая юбка-карандаш зашуршала при шаге. Дизайнерская униформа стоимостью в две мамины зарплаты обнимала ее так плотно, что мешала сделать глубокий вдох.

Кабинет встретил ее стерильным полумраком и запахом денег. Настоящих, старых денег, пропитавших каждую молекулу воздуха. Огромные панорамные окна выходили на серую ноябрьскую Москву, но внутри всегда царил вечный, кондиционированный июнь. Слева возвышалась стена из шпона эбенового дерева — черная, глянцевая, поглощающая свет. Справа — стеллажи с прототипами стульев, каждый из которых стоил дороже квартиры Аси.

Игорь Владимирович сидел спиной ко входу в своем кресле. То самое кресло, которое через месяц должно было стать главным экспонатом биеннале в Милане. Массивный каркас из цельного ореха, кожа цвета запекшейся крови.

Он не обернулся.

— Ты пахнешь страхом, — произнес он в пространство перед собой. Его пальцы медленно поглаживали подлокотник. — Я чувствую этот кислый адреналин. Что случилось? Твой отец снова пропустил платеж?

Сердце Аси рухнуло куда-то в район колен. Откуда он знает? Она никому не говорила. Банк прислал уведомление только сегодня ночью, когда она пыталась снять контактные линзы трясущимися руками. Пятнадцать миллионов рублей долга. Счета семьи заблокированы. Дом под залогом.

— Нет, — солгала она, удивившись твердости собственного голоса. — Все в графике, Игорь Владимирович.

Кресло медленно развернулось.

Струцкий выглядел смертельно опасным. Идеально выбритый волевой подбородок, льдистые серые глаза, которые сейчас казались почти прозрачными. На нем был костюм глубокого графитового оттенка, сидевший настолько безупречно, что казался частью тела.

Он молчал, сканируя ее взглядом. Не мужским, раздевающим, а хозяйским. Взглядом столяра, оценивающего трещину в дорогом бруссе.

— Лжешь, — констатировал он без злобы. Просто факт. — У тебя дергается жилка на щеке, Аксиния. Единственный раз, когда ты врешь мне убедительно — это когда кричишь мое имя, пока я держу тебя за горло над своим рабочим столом. Хотя нет. Мы оба знаем, что там нет ни грамма фальши. Там чистая физиология.

Воздух в кабинете стал вязким. Ася почувствовала, как предательский жар ползет от ключиц вверх, заливая щеки. Он бил точно в цель. Всегда.

— Встань ровно, — приказал Игорь, кивнув на свободное место перед своим столом. Ни стула, ни кресла. Просто пятно ковролина. — Руки по швам. Подбородок выше.

Ася выполнила команду раньше, чем мозг успел обработать приказ. Мышечная память, выработанная месяцами дрессировки. Она стояла, чувствуя, как тонкий шелк чулок трется о кожу.

Струцкий поднялся. Он двигался с грацией крупного хищника — лениво, экономя силы, зная, что жертве бежать некуда. Обошел ее по кругу. Остановился за спиной.

От него пахло дорогим табаком и терпим парфюмом.

— Твой отец банкрот, Ася, — сказал он ей прямо в затылок. Его дыхание шевельнуло волосы. — Фирма «Кречетов и сыновья» официально признана несостоятельным должником час назад. Мой юридический отдел перехватил документы до того, как они попали в СМИ. Если бы я не отдал распоряжение, твоя мать уже искала бы ночлежку, а приставы описывали бы старую дачу в Комарово.

Мир поплыл перед глазами. Воздух закончился. Ноги стали ватными. Он знал. Знал все.

— Зачем?.. — выдохнула она, забыв про субординацию, про гордость. — Вы... вы следили за мной?

— Я слежу за всем, что представляет интерес для моей компании, — отрезал он. Теперь он стоял вплотную. Ася чувствовала жар его груди сквозь рубашку. — Дуб, который поставляет твой отец для новой коллекции Milano-Elite, уникален. Ему восемьдесят лет. Я не могу допустить, чтобы лесопилку снесли за долги ради выплаты процентов банку. Мне нужно дерево, Аксиния. А тебе нужна иллюзия спасения твоей семьи.

Он положил руки ей на плечи. Пальцы были ледяными.

— Сделка простая. Безвозмездный грант твоему отцу на покрытие всех долгов. Рефинансирование кредитов. Сохранение дома. Взамен...

Пауза затянулась на целую вечность. Ася зажмурилась, ожидая удара или очередного грязного предложения переспать с ним в переговорной после совета директоров. Они делали это десятки раз. Жестко, быстро, на столешницах, в его машине, однажды — привязав ее запястья кожаным ремнем от одного из его макетов. Для него это был способ сбросить напряжение. Для нее — единственная возможность почувствовать себя живой рядом с этим ходячим айсбергом. Но сейчас речь шла не о похоти.

— Взамен, — продолжил Игорь тише, его губы почти касались ее уха, — ты перестанешь быть моим секретарем. Ты станешь моей вещью. Моей идеальной игрушкой.

Ася распахнула глаза, глядя на его отражение в черной глянцевой стене.

— Я не понимаю...

— Поймешь. Через неделю мы вылетаем в Милан. Биеннале закрывается через десять дней. Все эти дни ты будешь жить в моем ритме. Ты ешь, когда я разрешу. Спишь, если я позволю. Одеваешься в то, что я брошу на кровать. Ты открываешь рот только тогда, когда я задаю вопрос, и отвечаешь исключительно правду. Любая эмоция, которая мне не понравится

— истерика, радость, слезы — будет выжжена из тебя публично. Перед советом директоров. Перед журналистами. Перед моими конкурентами. Ты будешь стоять рядом со мной как самый дорогой экспонат.

Его рука скользнула с ее плеча ниже, по предплечью, остановившись на запястье. Он сжал его так сильно, что Ася вскрикнула.

— Если ты хоть раз посмеешь посмотреть на меня влюбленными собачьими глазами, сделка аннулируется. Твоего отца вышвырнут. Если ты вздумаешь отказать мне сейчас — произойдет то же самое. Выбирай. Гордость твоей семьи или твои нелепые чувства ко мне. Хотя какие чувства, Ася? Ты просто течешь от запаха моего парфюма. Не разочаровывай меня, доказывая обратное.

По щеке скатилась горячая слеза. Ася ненавидела себя за эту слабость, но физически не могла их остановить. Он купил ее. Купил вместе с долгами ее отца, старой дачей и воспоминаниями матери о счастливом детстве. Купил оптом.

— Чего вы хотите на самом деле? — прошептала она. — Вы ведь можете купить любую девушку. Любую актрису. Зачем вам я?

Игорь Владимирович Струцкий наклонился ниже. Его серые глаза оказались совсем близко, и в самой их глубине, за слоем арктического льда, Ася впервые увидела нечто темное, горячее и абсолютно безумное.

— Потому что другие ломаются, — прошептал он. — А ты позволяешь себя сломать и продолжаешь любить меня за это. Такая искренняя, отчаянная покорность встречается реже, чем карельская береза. Я хочу изучить предел твоей выносливости, Аксиния.

До какого дня выставки ты сможешь притворяться мебелью, прежде чем поползешь за мной на коленях, умоляя трахнуть тебя прямо на паркете.

Он отпустил ее руку и отступил на шаг.

— Ну же. Решай. У тебя есть тридцать секунд, пока я отменяю банковский перевод. Двадцать девять...

Ася закрыла глаза. Во рту пересохло. Внутри все кричало, брыкалось, требовало плюнуть ему в лицо и уехать в никуда.

Но потом она вспомнила бледное лицо мамы и кашель отца. Вспомнила повестку из суда, лежащую на кухонном столе и ночную смску.

— Хорошо, — сказала она, открывая глаза и встречая его тяжелый взгляд. Голос прозвучал чужим, мертвым эхом. — Я согласна.

Губы Игоря тронула едва заметная, удовлетворенная улыбка. Хищник поймал добычу.

— Умная девочка, — похвалил он, возвращаясь в свое кресло-трон. — Свободна. И скажи Веронике, чтобы забронировала нам билеты до Милана. Первый класс. Одно место.

Ася моргнула. Одно место?

— А... где буду спать я?

Струцкий посмотрел на нее как на неразумного ребенка, задавшего глупый вопрос.

— Разумеется, у моих ног, Аксиния. Где же еще спит лучшая игрушка во всей этой проклятой стране?

Глава 2

Первый класс «Аэрофлота» пах дорогим шампанским и кожей кресел. Ася сидела у окна, завернутая в кашемировый плед, который Игорь Владимирович небрежно бросил ей на колени перед посадкой. Сам он работал с документами в своем планшете, сидя через проход.

Между ними было полтора метра пустоты и невидимая стена из пуленепробиваемого стекла.

За последние сорок восемь часов Аксиния Кречетова перестала существовать. Теперь была только «Аксинья» — так он назвал ее вчера вечером, когда швырнул на кровать их номера отеля коробку с новым бельем. Тончайший шелк цвета слоновой кости, без единого шва.

— Выброси всё старое, — процедил он тогда, глядя, как она пытается прикрыть наготу. — Моя игрушка должна быть идеальна. Спать будешь здесь.

Он указал пальцем на коврик из натуральной овчины у подножия своей кровати. И ушел в душ, оставив дверь приоткрытой, чтобы она слышала шум воды и видела его силуэт за матовым стеклом. Ася просидела на полу до утра, обхватив колени руками, дрожа не от холода, а от того, что находилась в двух шагах от него и не имела права даже дышать громче обычного.

В самолете правила изменились. Салон был пуст, если не считать пары спящих бизнесменов впереди. Игорь отложил планшет. Его взгляд изменился: лед треснул, обнажив темную воду. Он медленно повернул голову к проходу между креслами, затем посмотрел прямо на Асю. От этого взгляда по внутренней поверхности ее бедер потек жар.

— Сюда, — приказал он одними губами, похлопав ладонью по кожаной подушке кресла рядом с собой.

Это было нарушением правил публичной игры, которую они начали еще в Москве. Но десять тысяч метров над землей — это юридическая серая зона. Территория Игоря Струцкого.

Ася сглотнула вязкую слюну и перебралась к нему. Как только она села, тяжелая рука легла ей на талию, притягивая в личное пространство. Не грубо. Властно. Собственнически. Так берут со стола нужную книгу.

— Боишься? — спросил он тихо. Его губы оказались в сантиметре от ее виска.

— Вы сами сказали мне бояться, — прошептала она в ответ, чувствуя, как предает собственный голос, становящийся низким и хриплым.

— Я сказал тебе подчиняться. Страх я чувствую сам. — Пальцы Игоря зарылись в ее волосы, которые были уложены в сложную прическу. Шпильки полетели на пол бизнес-класса. С каждым щелчком освобождаемого локона лицо Игоря становилось жестче. — Распусти все. Мне нужен хаос.

Когда тяжелый водопад темно-русых волос упал ей на плечи и грудь, Игорь втянул воздух сквозь сжатые зубы.

— Господи, Аксиния... Если бы ты знала, чего мне стоит сейчас просто сидеть здесь и разговаривать с тобой.

Его самообладание трещало по швам. Тот идеальный мраморный фасад, которым он прикрывался в офисе, осыпался пылью. Перед ней сидел мужчина с обнаженным нервом. Он резко дернул узел ее шелкового шарфа, подаренного им же утром. Ткань затрещала.

— Что вы делаете? — выдохнула Ася, но вместо страха внутри разливалось дикое, первобытное торжество. Он хочет меня настолько сильно, что готов разорвать на мне одежду посреди самолета.

— Препарирую свой экспонат, — прохрипел он.

Его рот накрыл ее губы. Это не был поцелуй, полный нежности или романтики. Это было клеймение. Грубый, глубокий, почти жестокий захват, призванный заявить права. Язык Игоря вторгся внутрь, лишая воли, заставляя забыть, где заканчивается ее тело и начинается его. Одной рукой он жестко фиксировал ее затылок, не давая отстраниться, второй задрал юбку-карандаш до талии.

— Раздвинь ноги, — прорычал он ей в рот.

Ася подчинилась, скользнув горячей плотью по грубому ворсу его брюк. Игорь застонал, прерывая поцелуй, и посмотрел на нее сверху вниз. Глаза его были абсолютно черными, зрачки затопили серую радужку.

— Мокрая, — констатировал он с мрачным удовлетворением, запуская руку под тонкую ткань ее трусиков. — Для меня. На глазах у всего салона. Такая послушная, развратная девочка.

Палец легко коснулся ее чувствительного бугорка. Ася вскрикнула, непроизвольно вцепившись пальцами в его бедро сквозь шерстяные брюки. Стюардесса в этот момент везла тележку с напитками в трех рядах от них, отделенная плотной шторкой. Мысль о том, что их могут услышать, ударила в голову крепче любого вина.

— Тише, — Игорь снова завладел ее губами, заглушая рвущиеся звуки. Его пальцы двигались уверенно, зная каждый изгиб ее тела лучше, чем чертежи собственной мебели. — Хочешь кончить прямо здесь? Прямо на ткань моего костюма? Чтобы я потом ходил мокрый следующие три часа переговоров?

Он ускорил ритм, добавляя второй палец. Внутри Аси туго скручивалась пружина. Она пыталась сдерживаться, кусая его губу, впиваясь ногтями в кожу ладони, которой он зажимал ей рот. Но оргазм налетел внезапно, сокрушительно, вырвав из груди беззвучный всхлип. Тело выгнулось дугой, мышцы свело спазмом. Она упала ему на плечо, тяжело дыша, пока мир рассыпался на тысячи стеклянных осколков.

Игорь держал ее, покачивая, словно ребенка. Его дыхание тоже было сбито. Когда последняя волна судорог отпустила Асю, он медленно вынул влажные пальцы и демонстративно, с животным удовольствием облизал их, не отрывая от нее тяжелого, собственнического взгляда.

— Вот теперь ты готова к Милану, — хрипло произнес он, застегивая обратно ширинку. — Ноги вместе. Взгляд ясный. И улыбайся.

Он поправил ее растерзанный шарф. Прическа была уничтожена, макияж смазан, но глаза Аси сияли нездоровым, лихорадочным блеском.

— Мы прилетаем через час, — Игорь достал из кармана платок и аккуратно стер размазанную помаду с ее подбородка. Движения стали медленными, почти заботливыми. — Там внизу нас будут ждать камеры. Запомни: ты — предмет интерьера. Дорогой, холодный и совершенно асексуальный. Если кто-то из журналистов посмеет спросить, спишь ли ты со мной, ты должна рассмеяться мне в лицо и сказать, что мой темп работы выдерживают только литые чугунные конструкции. Поняла?

Ася кивнула. Во рту стоял привкус соли и горького миндаля. Ей хотелось прижаться к нему щекой и попросить оставить пальцы внутри себя навсегда, просто чтобы чувствовать, что она жива. Но вместо этого она расправила плечи, сложила руки на коленях и посмотрела в иллюминатор на огни вечернего Милана.

— Да, Игорь Владимирович.

Отель «Bulgari» встретил их тишиной и запахом сада во внутреннем дворе. Их поселили в разных номерах, соединенных общей гостиной.

Официально — для удобства ассистентки. Фактически — потому что спать на коврике у его ног сегодня ночью Игорю показалось недостаточно безопасным. Он боялся самого себя.

После душа Ася вышла в гостиную, обернутая в гостиничный халат. Сил не было. Колени дрожали после пережитого в небе. Она хотела рухнуть на диван и проспать сутки.

Дверь в спальню Игоря была открыта. Он стоял спиной к ней перед панорамным окном во всю стену. Городские огни отражались в стекле, расчерчивая его мощный силуэт тенями. На нем не было ничего, кроме низко сидящего полотенца. Шрам на его лопатке — старый, белый, похожий на след от удара молнии — тускло блестел в полумраке.

Сердце Аси пропустило удар. Она впервые видела его полностью обнаженную спину. Без брони дорогих рубашек. Только кожа, старые раны и перекачивающиеся желваки мышц. Он выглядел смертельно уставшим и бесконечно одиноким.

Она сделала шаг вперед, движимая иррациональным желанием подойти сзади, обнять его за пояс и положить голову между лопаток. Просто утешить. По-человечески.

Паркет предательски скрипнул.

Игорь не вздрогнул. Он просто замер. Медленно, очень медленно он повернул голову. Полотенце опасно соскользнуло ниже.

— Я велел тебе отдыхать перед завтрашним монтажом стенда, — его голос звучал ровно, но в комнате похолодало градусов на пять. — Или слово «отдых» для тебя означает только одно положение тела?

Вся смелость Аси испарилась. Романтика умерла, раздавленная каблуком его реальности. Она снова стала вещью.

— Простите. Я принесу вам зеленый чай. Вы принимали лекарства от давления перед вылетом, врач рекомендовал...

— Свободна, — отрезал он, отворачиваясь обратно к окну. — Закрой дверь с той стороны. Плотно. Чтобы я не слышал твоего дыхания.

Ася молча развернулась. Зайдя в свой номер, она закрыла внутреннюю дверь на замок и беззвучно сползла по ней на пол, подтянув колени к груди.

Тело все еще ныло после разрядки в самолете, отзываясь сладкой болью на каждое движение. Но душу выжигало холодом.

Он взял ее тело там, на высоте десяти тысяч метров, выпил досуха, оставил метку на губах. Но свою душу спрятал за броней такой толщины, что пробить ее можно было только ценой полного уничтожения.

И самое страшное заключалось в том, что ради спасения отца Ася была готова уничтожить саму себя до основания.

Глава 3

Милан пах озоном после дождя, мокрым камнем и деньгами.

Выставочный центр Rho Fiera гудел растревоженным ульем еще за сутки до официального открытия. Монтаж стенда «Strutsky Atelier» напоминал подготовку к королевской коронации. Игорь Владимирович стоял в центре этого хаоса — безупречный, застегнутый на все пуговицы, с лицом цвета оружейной стали. Он раздавал указания итальянским рабочим на их родном языке, от его голоса вибрировали тяжелые плиты черного мрамора.

Ася стояла рядом. Она не произнесла ни слова с момента выхода из такси. На ней было платье-футляр цвета горького шоколада, глухо закрытое под самое горло. Никаких украшений. Волосы снова собраны в тугую, идеально гладкий пучок. Игорь лично проверил каждый сантиметр ее образа перед выходом, зацепив ногтем складку на ткани:

— Морщинка на платье выглядит как слабость. Выглядишь слишком доступной. Пере-
делать.

Теперь она была похожа на фарфоровую статуэтку эпохи ар-деко: изящную, дорогую и невероятно хрупкую.

Стенд представлял собой лабиринт из стекла, полированного ореха и теней. В самом центре, на вращающемся кубе из цельного эбенового дерева, возвышалось то самое кресло-трон. Оно выглядело как алтарь языческого бога.

Игорь закончил разнос подрядчиков и повернулся к ней. Толпа суесящихся вокруг грузчиков и осветителей вдруг перестала существовать.

— Сядь, — приказал он тихо, кивнув на ступени у подножия кресла.

Ася села, сложив руки на коленях. Спина прямая, подбородок чуть вздернут. Взгляд устремлен в пустоту поверх голов посетителей.

Игорь подошел вплотную. Его тень накрыла ее целиком. Он опустил на корточки прямо посреди грязного бетонного пола выставочного павильона, так что их лица оказались на одном уровне. Рабочие деликатно отвернулись, делая вид, что настраивают софиты.

— Посмотри на меня, — велел он.

Она перевела взгляд на него. Вблизи, без спасительной дистанции офисного стола, его глаза казались темными омутами.

— Ты помнишь условия сделки? — спросил он, хотя ответ был написан на ее бледном лице. — Твой отец сейчас пьет таблетки в своей спальне, потому что мой юрист заблокировал иски банков. За это ты отдаешь мне свою свободу на десять дней. Но я вижу твой страх, Аксиния. Страх делает тебя слабой. А моя вещь должна быть сильнее любого закаленного стекла.

Его ладонь легла ей на затылок. Пальцы сжались, массируя основание черепа. Это прикосновение должно было успокаивать, но оно ощущалось как ошейник.

— Я сломаю тебя сегодня вечером, — прошептал он так ласково, что по коже Аси побежали мурашки. — Прямо здесь, когда зажгут главные прожекторы. Я поставлю тебя на колени перед этим креслом перед всем миром. И если ты моргнешь не в ту секунду, твоего отца вышвырнут из дома быстрее, чем ты успеешь произнести слово «пожалуйста». Дыши глубже. Тебе понравится быть моей послушной игрушкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.